

Пушкин А.С.
(Музей)

(№32). 08.03
(авт.)

"ЗАВТРА". Георгий Николаевич, расскажите, как сегодня живет заповедник, насколько к нему велик интерес у российского общества? Насколько новое поколение, а по поводу него большие опасения, тянется сюда, на эти удивительные места? Велик ли приток людей?

Георгий ВАСИЛЕВИЧ. У меня есть все основания говорить, что интерес людей к музею-заповеднику растет. Думаю, можно судить по нескольким характерным показателям. Надо начать с того, что в 1991-1992 годах сюда приезжало не более 40 тысяч человек в год. В юбилейном пушкинском 1999 году музей-заповедник посетили 240 тысяч человек. В течение последних двух лет количество посетителей ещё более возросло — до 300 тысяч. Если не будет кардинальных изменений, связанных с подорожанием жизни в России, то, похоже, что рост будет продолжаться. Но при одной оговорке — если в пиковый сезон, с конца апреля по октябрь, будет где людям остановиться. Сейчас уже ясно, что не хватает в день в среднем от 100 до 150 мест для тех, кто желал бы приехать сюда, побродить по музеям, просто пожить вблизи усадьбы, побродить по окрестностям. В лесотопу у нас — ягоды, грибы. В Сороти рыба водится. Учитывая все эти факторы, к нам едут семьями, что нас очень радует. Когда собираются с детьми родители — это особые впечатления, ведь у детей обостренное восприятие. Да и образ жизни у таких туристов особенный. Если раньше туризм был в основном профсоюзный, "автбусный", то сегодня он развивается на основе деятельности не профсоюзной, а туристических фирм из Пскова, Петербурга. Московских турфирм здесь меньше, что, конечно, связано с отдаленностью — почти 700 километров.

Думается, что столь стремительно возросший интерес связан в значительной мере с теми работами, которые проводились здесь за последние десять лет: ведь многие приезжали сюда посмотреть, как музей изменился по сравнению с традиционным и привычным музеем 60-70-80-х годов. Иные приезжают, потому что периодически, с помощью журналистов мы пытаемся давать информацию о музее и в эфир, и в газеты. И, наверное, ещё потому что мы ведём две очень серьёзные программы, одна из которых связана с движением Доброхотов.

Это как раз ответ на другой ваш вопрос — о молодёжи. Доброхотское движение появилось давно, ещё в довоенную пору. Тогда это были тоже семьи, которые приезжали сюда, чтобы добровольно, своими силами что-то сделать на благо Пушкина. Сегодня это движение скорее школьно-студенческое, и оно тоже растёт, потому что если лет 5 тому назад в летнее время работало только 5-6 отрядов, то сейчас уже три тысячи доброхотов. Это движение, по сути своей, уникально. Впрочем, могу назвать ещё движение "Муравьиное братство" в Музее "Ясная Поляна". Изначально это идея семьи Толстых. В свою бытность Семён Степанович поддержал возрождение доброхотского движения, считая, что оно чуть ли не самое важное для воспитания молодых людей, развития в них любви к русской культуре, природе, поэзии и личности Пушкина, к творчеству.

В условиях лесной палаточной жизни люди меняются к лучшему. И потом приезжают вновь и вновь. Например, есть отряд из Ивано-Франковска, который приезжает сюда уже 15-й год, несмотря на то, что очень дорогая дорога. Именно они сделали на кладбище в деревне Воронич деревянную часовню. Если вы зайдёте внутрь, то увидите, насколько умело, с любовью она сделана.

Вообще, движение Доброхотов для нас — одно из важнейших направлений музейной работы. Существует специальный отдел, который занимается не только территорией и ландшафтами, но курирует и доброхотское движение. С появлением конференций ребята из разных отрядов вдруг поняли, что они довольно близки по взглядам, и сегодня даже за пределами полевого сезона, как говорят археологи, продолжают дружить, встречаться, переписываться.

Также у нас есть ещё одна форма работы с молодёжью. Это творческие фестивали, которые проходят на базе музея-заповедника при участии Министерства культуры. Проведение такого рода фестивалей позволяет показать другую сторону жизни — ребята приезжают безумно заинтересованными всем, что касается культуры, и Пушкина. Они умеют очень многое: снимают кино, делают слайд-фильмы, замечательные фотографии. Занимаются живописью, берут уроки у наших мастеров — это и керамика, и шитьё, и литературное творчество... Всё это — органическая часть их жизни. Конечно, пока их немного, но если бы была возможность работать круглый год, наверняка ребят было бы больше. Мы стремимся к этому всеми силами — пытаемся найти деньги на строительство базовых гостиниц, которые работали бы круглый год недалеко от музея-заповедника.

Мне думается, что всё же, несмотря на падение интереса и к чтению, и к литературе, которое, безусловно, есть, говорить о смерти литературы или умирании культурного наследия рано.

"ЗАВТРА". За счет каких ресурсов вам удалось достичь таких результатов? Кто, в наше, очень напряженное, время вам помогал?

Г.В. Ну, начнём с того, что первым, если хотите, закорпориционером всего этого был Семён Степанович Гейченко. Довольно давно, в 1980 году, Министерство культуры, возглавляемое Александром Ивановичем Шкурко, запросило у музеев программу на 20 лет вперёд — "если бы всё было хорошо, что бы вы сделали в этот обозримый двадцатилетний период?" Таким образом, очень многие работы, которые нам пришлось делать, уже были описаны Семеном Степановичем. Здесь была комплексная реставрация, потому что он, как никто другой, хорошо знал, что в послевоенное время строить приходилось, во-первых, очень быстро, во-вторых, из не очень качественных материалов, чтобы просто воссоздать, чтобы доказать, что мы живы. Это были и разноразмерные парковые работы, так как при Гейченко работало несколько лесопарковых экспедиций, которые просто оставили свои рекомендации "на будущее", когда появятся средства у музея. И, наконец, была запланирована постройка здания культурного центра в городе Пушкинские горы, где мы с вами находимся. Центр был мечтой Семёна Степановича, он говорил, что если у Шекспира есть замечательный Центр культуры, куда стремятся люди, то почему нет Научно-музейного центра у Пушкина, который равно велик Шекспиру?

Потом, конечно, менялись условия жизни, мы дорабатывали эту программу. С ней уже в 1994 году были готовы выйти на орбиты для подготовки юбилейных торжеств. Несмотря на финансовые претензии музея, оргкомитет согласился с тем, что надо попытаться эту работу провести максимально, и тем самым исполнить, по сути, последнюю волю Семёна Степановича Гейченко. Вот таким образом начались наши реставрационные работы. Должен сказать, что тут все три музея работали на равных: и Всероссийский музей Пушкина в Петербурге, и Государственный музей Пушкина в Москве, и наш музей. Основное финансирование взяло на себя государство — министерство экономики, министерство финансов, министерство культуры, Госдума. Мы защищали концепцию развития своего музея на коллегии министерства культуры, периодически обосновывали необходимость затрат в Минэкономики, в Минфине. Таким образом, здесь никакого чуда не было. Чудо было в другом: по прошествии юбилея, я говорю уже о 2003 году, реставрационные работы продолжают по той же программе, и мы доделываем то, что не успели сделать к юбилею из-за неполного финансирования.

"ЗАВТРА". Программа Гейченко, о которой вы говорите, и сегодняшние усилия — что они включают в себя, какие принципы в них заложены?

Г.В. Начнём с того, что в пору, когда писалась программа, возможности говорить о русской усадьбе как таковой у Семёна Степановича не было. Но он, не ставя вопрос прямо, пытался, тем не менее, заниматься усадьбами, и ярче всего это было видно в Михайловском. Учитывая то, что музей владеет весьма своеобразной частью коллекций — это ландшафт, а ландшафт без архитектуры не существует, он стремился моделировать мир усадьбы, дополняя её новыми постройками, последние из которых — амбар и во-

дьяная мельница в деревне Бугрово. Он пытался возродить тот мир, который после войны оказался выжженным дотла. Мы вслед за ним дошли до того, что одним из принципов, который мы ввели, была попытка постепенно, там, где это уместно, возможно и необходимо, с точки зрения музейной жизни, возвращать постройки, которые, дополняя усадебный ансамбль, создали бы ощущение живого старого мира, в который вы входите не как в декорацию, а как в живую среду. При этом совсем не обязательно использовать здание по назначению. Главное, чтобы был объём, который бы дополнял или замыкал уютный архитектурный мирок. Второй принцип, на который мы сегодня опираемся — музей не только коллекция, не только хранение вещей, это вместилище определённого опыта, который каждое поколение неизбежно примеряет на себя. Если, войдя в мир наших усадеб, вы чувствуете, что этот мир — ваш, где пространство, размеры, ландшафты кажутся родными, то вы невольно начинаете задавать себе вопросы, которые иначе просто не могли прийти в голову. И, постепенно, занимаясь через Пушкина его временем, занимаясь какими-то вопросами, связанными с миром русской усадьбы, вы волею или неволею, незаметно впитывая в себя необходимые знания, становитесь наследниками, а значит, людьми, которые будут передавать эти знания дальше.

Существует и третий принцип. Территория музея такова, что вмещает в себя ещё, по крайней мере, три места, где когда-то были усадьбы пушкинской поры. Первая — это усадьба Дергилазово, между Тригорским и Михайловским, имение Шолгуновых, куда частенько ездили родители Пушкина в гости. Очень красивая усадьба на высоком холме, видна и из Михайловского, и из Тригорского. Есть усадьба Воскресенское. Это ганнибаловское имение, одно из трёх ганнибаловских имений, которые появились после деления территории детьми Абрама Петровича Ганниба-

Георгий ВАСИЛЕВИЧ: "МУЗЕЙ ВМЕСТЯ ИЛИЩЕ ИСТОРИИ"

Пушкин А.С. Завтра, 2003. — авт. (№32). — с.8

Директор Музея-заповедника "Михайловское" отвечает на вопросы "ЗАВТРА"

ла. Воскресенское — имение Исаака Абрамовича Ганнибала. Оно совершенно уникально по устройству, так как здесь действовала водяная мельница, и она держала уровень воды. Нижняя часть парка была на островах, получалась маленькая Венеция — с беседками, садами, кустарниками, мостиками. И третье очень красивое место, также на высоком холме над рекой Великой, которая делает невероятные петли и постоянно меняет русло за счет наносов песка, — это имение Лысая Гора, куда вышла замуж одна из дочерей Прасковьи Александровны Осиповой — Екатерина, пушкинская знакомца. Потенциально это место, которое тоже могло бы развиваться. Вопрос — как? Место идеальное для проведения различного рода научных встреч и семинаров, что мы уже делаем — в год у нас проходит до десятка научных встреч, и не только по филологии. Пока мы начали с межуниверситетских научных встреч, но не хотим на этом останавливаться. Когда-то, в 1922 году, при воссоздании этой территории как заповедной, учёные мечтали об университете. Мы хотим сделать некий межуниверситетский центр, который бы позволял приезжать людям, занимающимся XVIII, XIX веками, началом XX столетия, пушкинским временем, или проблемами, связанными с русской культурой, русской усадьбой. В этом смысле усадьбы смогли бы сыграть свою роль. Они, безусловно, не были бы музеями, но зато они были бы той средой, в которой происходит эта жизнь, интересная и насыщенная как, впрочем, и происходило когда-то в стенах русских усадеб. Вся русская классическая литература вышла именно отсюда. Опять же, если говорить об усадьбах как месте, где собираются научные конференции, где читаются лекции, почему бы там, по старым лекалам, а они есть, не воссоздать современную мебель, которая отвечала бы тому времени? Ведь если она появляется, то, садясь в это кресло, вы начинаете понимать, как сидели тогда, против того, как сейчас сидим, развывая на наших современных стульях. Всё это — неоценимый опыт, без которого наследовать старую культуру очень сложно. Таким образом, решаются как минимум три задачи: во-первых, постоянно собирать здесь людей, заинтересованных в сохранении нашего места и увлечённых и Пушкиным, и его временем, и красотой этих мест, во-вторых, участвовать в образовании и подготовке тех людей, которые будут основой общества и для которых русская культура будет своей, и они никогда не захотят её поступать; и, в-третьих, это создание необходимого пространства для осуществления целого ряда работ, которые пока невозможны в музейном ядре. Например, знаменитая аллея Керн — мы сможем её продержат 20, от силы 25 лет, но в принципе она уже пережила в два раза тот срок, который ей был отпущен. Нигде в мире деревья не держат до такого состояния ветхости и дряхлости. Для этого нужны питомники, нужно пытаться воссоздавать подобные аллеи, чтобы знать, как будут деревья выглядеть, как ухаживать, поэтому поле для различных музейных и около-музейных работ необходимо.

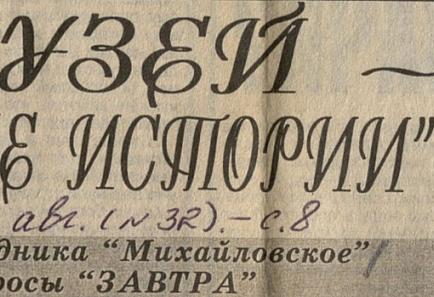
"ЗАВТРА". Достаточно экзотический вопрос. Мы знаем, что у вас весьма сложные отношения со Святогорским монастырем. Вы, наверное, слышали о том, как современная Церковь относится к Пушкину. Например, архимандрит Зинон в "Житии святого Филарета Московского" в виде иконы-миниатюры запечатлел встречу Пушкина со святителем Филаретом. Это одно отношение. Наверняка вы сталкивались и с предубеждением, с достаточно нетрадиционным взглядом на Пушкина.

Г.В. Несомненно. Я думаю, что если брать крайности, то не только в кругах священнослужителей, но и в обществе взгляд на Пушкина может быть полярным. Для кого-то это человек, который нашёл в себе силы соответствовать своему таланту, и — поскольку талант велик — сумел сказать что-то такое, чем мы сегодня, спустя много лет, живём, и в этом смысле, исполнив свой долг, он исполнил его и перед Богом. Я об этом говорю, даже не вдаваясь в подробности рассказа о том, что он на смертном одре вел себя как христианин самым высоким образом, вплоть до прощения Дантеса. Это один вариант восприятия Пушкина — как человека Божьего. Наряду с подходом к Пушкину, как к православному христианину, есть и другое — образ Пушкина в молодые годы. Сразу вспоминается "Гавриилада" как попытка превратить церковную историю в некий балаган, и ряд стихотворений, которые совсем не соответствуют поведению и облику христианина. Подобные факты биографии поэта заставляли других считать, что он — чуть ли не исчадие ада, которое никак не может претендовать на звание не то что христианинского поэта, а просто христианина. Но мне думается, что если и ту, и другую точку зрения доводить до крайности, то получится абсурд. Надо учитывать и эпоху, когда он родился, и среду, в которой проходило его образование, и воспитание, — и тогда становится понятным, что Пушкин в своей жизни совершил подвиг и поднял над своими слабостями за счет творчества и драмы, которую осознал и принял. То, что он, безусловно, человек светлый, у меня не вызывает сомнений.

Архимандрит Зинон, которого вы уже упоминали, строит монастырь на новом месте, и я уверен, что с течением времени этот монастырь будет достоин старых монастырей, которые нам хорошо известны, потому что важен образ жизни и важно желание утвердить оп-

ределенный монашеский христианский образ жизни. Если не получается в старых стенах, то надо сделать это в новых. Тем более, что Зинон был первым, кто отдался подчинить монастырю храм с фресками XIV века, поскольку понимал, что будет служить так, что неизбежно нанесёт вред этому уникальному памятнику. Архимандрит Зинон предложил служить без кадила и без свечей, что, естественно, оказывалось бы проблемой для прихожан... Вот он доказывает свою веру тем, что служит в монастыре, который заново отстраивается. Есть ещё один удивительный человек, это игумен Филарит, который изначально был насельником одного из псковских монастырей, но когда там возник целый ряд серьёзных проблем, он поступил точно так же — ушёл в полуразрушенную церковь, отстроил её своими руками, при минимальной помощи со стороны, и вокруг постепенно растёт монастырь. Место глухое, туда доезжают только свои, чужих не заманишь, да и не выжить им там, в тех условиях службы, когда он в сутки по 5, по 6 часов проводит на молитве, и делает это совершенно удивительно и целево. Такие примеры есть. И если говорить о позиции музея-заповедника, то мне близка позиция этих священников. Я рад, что они есть, мне всегда легко молиться с ними, потому что нет рядом каких-то мирских проблем, которые мешают молитве, службе.

У нас сложность в том, что в своё время музей сам инициировал возвращение монастыря в его стены. По понятной душевной простоте и наивности все думали, что всё будет очень хорошо, в монастыре будут идти службы, на могиле Пушкина будут служить панихиды, всё будет благополучно и достойно. Но жизнь есть жизнь. В результате получается так, что, по счастью, на службах поминания има Пушкина, его близких, можем стоять на панихидах и литиях, которые служатся, но возникает свой ряд вопросов, связанных с обустройством жизни монастыря, и взгляд музея и монастыря на то,

Архимандрит Зинон. Миниатюра "Митрополит Московский Филарет поучает поэта Александра Пушкина".

Архимандрит Зинон. Миниатюра "Митрополит Московский Филарет поучает поэта Александра Пушкина".

как их решать, различен. Для нас монастырь — это прежде всего комплекс-памятник, один из немногих уцелевших памятников, который действительно относится к Пушкину, потому что там есть постройки, которые не изменились с пушкинского времени. Как памятник он требует особого отношения по части сохранения уцелевшего. Но сегодня из-за отсутствия части построек, в которых были монашеские кельи, инкоман очень тяжело там жить. Воссоздание построек пушкинского времени необходимо, воссоздание церкви Никольской также необходимо, поскольку позволит немного снять нагрузку с Успенского собора. В целом и музей, и монастырь хотят одного и того же, но пути исполнения этой программы для нас более длительные, чем для монастыря. Монастырь хочет всё сделать очень быстро за счет больших капиталовложений, и более того, настаивает на том, что эти капиталовложения должны быть государственными, поскольку государство несёт на себе ответственность за закрытие монастыря в 1924 году. У нас особые соборный церковных ценностей нет, поэтому по линии, что музей что-то хочет отдать, а что-то не хочет — проблем не возникает. Проблемы чисто имущественные, поскольку монастырь решил для себя, что ему лучше быть самостоятельным полностью. Это значит, что музей со своего баланса должен монастырь передать как памятник на баланс той организации, с которой монастырь было бы проще работать. Возможно, что этот путь решил бы проблему кардинально, при одном условии: могила Пушкина по рестру является музейным объектом хранения — так было, есть и так будет, но очень важно, чтобы не было никаких проблем с доступом посетителей к могиле Пушкина и его близких, потому что время от времени, может быть, просто от огорчения какого-то, но возникает разговоры о возможности проблемы доступа к могиле Пушкина.

"ЗАВТРА". Когда ушёл Гейченко, было ощущение, что всё может быть разрывно, тем более, что время тогда было очень напряженное. Между тем, свершилось ваше чудесное явление, возник некий "феномен Василевича". Но каково было премирно Гейченко, каков шлейф от гейченкового ауры? Чего, как вам кажется, от вас ждали? И какова среда, которая досталась вам по наследству, и которая сейчас формируется вокруг вас?

Г.В. Этот вопрос довольно часто возникает именно сейчас в связи с недавним прошедшим 100-летием со дня рождения Семёна Степановича и грядущим десятилетием с момента его ухода, день памяти — 2 августа. Как ни странно, здесь можно долго говорить, почему это так, но с личностью Гейченко, начиная с момента моей работы, у меня личных проблем не было. Может быть, это связано с тем, что я знал его, может быть, где-то даже чувствовал... Я не работал при нём здесь, и у меня не было обиды, если хотите, на то, что я пытался что-то делать, а мне не давали. Конечно, в чём-то я ошибался, и могу ошибаться до сих пор, и может быть, если бы он был жив, многие вещи бы поправил, но тем не менее, в этом смысле после него работать тяжело не было. Самым тяжёлым было другое. Он был главным режиссёром, который создаёт мир, ставит великолепный музейный спектакль, и далеко не каждому позволяет делать то, что ему хочется. В результате несогласные так или иначе ушли, и есть тому много примеров. Один из самых ярких — это заместитель директора по науке музея Аркадий Моисеевич Гордин, который написал одну из лучших

книг о музее, но уже за пределами Михайловского, работая в совершенно другом месте. У него был свой взгляд на музей, который не отвечал тому, что думал и хотел сделать в музее Семён Степанович. Как очень хороший родитель, каковым он и был для музея, и как очень серьёзный организатор, который берёт на себя и несёт гораздо большую ношу, чем все остальные, Семён Степанович оставил как раз тот феномен, с которым пришлось столкнуться мне. Если это как-то по-человечески объяснять, то у меня и тогда, и теперь остаётся ощущение, что я пришёл в семью, которую хорошо знал, но всё же был сторонним человеком. В этой семье осталось много замечательных детей, каждый из которых вырос за спиной совершенно замечательного отца. И когда его не стало, они вдруг оказались сиротами, но не просто сиротами, а сиротами вдвойне, которые не совсем хорошо понимают, куда идти, что теперь делать, как жить дальше. Здесь как раз очень не хватало серьёзной подготовки руководителя коллектива, в котором талантливых людей море, где понятно, что каждый первым быть не может, но между тем каждый имеет право на первенство. Для меня они очень близкие люди, а с родными, как известно, труднее всего. За прошедшие 10 лет пришлось учиться тому, каким образом осуществить то, что мне казалось правильным, и то, что является продолжением линии Семёна Степановича. Наверное, я многое делал правильно, потому что там, где всё удалось, люди показывали, насколько они талантливы, как много они могут сделать. Это и реставрация, и издательское дело, и наш сборник, который недавно вышел в свет, это и постоянные научные статьи и интересы, которые в музее появляются, это и работа с коллекциями. Люди, действительно талантливые, это наследие Семёна Степановича, которое является огромным богатством.

"ЗАВТРА". Все юбилей, как правило, несут в себе суэту и служат определённой конъюнктуре. Сегодняшний юбилей Пскова — тоже, по всей видимости, завернёт в разноцветную парчу, и под ней возникает множество подводных течений. Но так или иначе, сегодняшняя жизнь Пскова может быть трактована как проявление некоего возрождения. Было такое, когда ушедшая плеяда, в кою входили такие люди, как Гейченко, Смирнов, Скобельцын, создала на мгновение ощущение пустоты, но на этом месте, опять-таки чудесным образом, возникли и возникают другие люди, другая формация. Можно назвать Биговича, с его уникальным издательством, вас... Хотелось бы, чтобы вы описали немного эту среду. Эскизно, бегло: по каким направлениям идёт накопление сил, возрождение?

Г.В. На самом деле, это то, о чём очень часто мы говорим в нашем кругу. Никому уже не надо объяснять, что в какой-то момент люди любого поколения дорастают до момента, когда — хотя они того или не хотят, — оказываются вынуждены принимать на себя ответственность за то, что будет дальше. Сегодня всё происходит тоже самое, только жизнь бьёт теперь иначе. Радостно, когда можно вдруг увидеть, что в жизни ничего, по большому счёту, не меняется — уходят одни, на их место приходят другие. Вы сейчас вспомнили Сергея Александровича Биговича. Я довольно давно его знаю, и очень рад тому, что сейчас он занимается издательским делом. Это необычайно интересный человек. Его отношение к книге, его умение собрать вокруг себя интересных людей уже сегодня даёт уникальные плоды. Вспомним хотя бы о замечательной серии книг к 200-летию поэта, которая была задумана и реализована им. Более красивого проекта, посвященного юбилею Пушкина, ещё не было. Также маленькое чудо — и чудо, исключительно от него зависящее, — было связано с появлением книги "Домовый" Курбатова, или книги переплести Семёна Степановича Гейченко с Василием Михайловичем Солонцовым. По этим двум книгам о Семёне Степановиче можно узнать как о живом человеке больше, чем через сотни мемуаров, которые не передают и малой толики личности этого человека. Умение выбирать, иногда совершенно интуитивно, верную книгу, и вовремя подавать её читателю, делает Биговича человеком, не побоюсь этого слова, в чём-то уже великим.

Также с огромным интересом и радостью я смотрю на Александра Григорьевича Строило, который сегодня в большей мере живёт и работает за пределами Пскова, но с Псковом связан навеки, и всегда приезжает сюда как свой художник. Если бывает уныние от мысли, что всё плохо и больше ничего в жизни хорошего не произойдёт, достаточно сходить к нему в мастерскую, посмотреть, что он сделал за последнюю неделю, и ты понимаешь, что художник неисчерпаем, и чем больше он отдаёт, тем больше идей у него появляется. Взять хотя бы его хармсовские книги, которые достаточно сложно найти, они в большей части уже разошлись по коллекциям, по музеям, это книжки-раскладушки, которые известны нам по нашему детству, но они сделаны принципиально иначе — это книга, как скульптура, как текст, как фактура бумаги. Если брать его работы над книгами пушкинской серии, то вся серия обязана тем, что это необычайно эlegantные издания, непохожие ни на одну другую книгу. И так во всём.

Наверное, надо сказать ещё хотя бы немного о рану ушедшем Леониде Николаевиче Панове. Редкий случай, когда музейный работник является ещё и коренным жителем, в данном случае Изборска. Для него это место всегда было живое, что очень важно в понимании сути музейной работы. Возможно, в жизни так и бывает — будут люди достойные, может быть, даже более одарённые, чем Леонид Николаевич, но... Панов был талантливейший человек — музыка была ему доступна, фотографии были замечательные, фильмы снимал такие, что не оторваться, музейщик был от Бога. Музей был частью его самого — так же, как и он был отчасти музейной плотью, поэтому, приходя туда в любое время, в любую погоду, ты застаёшь живое место, человека, вокруг которого невольно хотелось собрать своих друзей, провести какое-то время.

Я могу говорить ещё и о реставраторах, о людях, которые творят чудеса у нас и в других местах... Этот разговор очень долгий, может быть, стоит просто когда-нибудь вернуться к портретам тех людей. По счастью, они есть, это главное. Время меняется, но тем не менее, приходит люди, на которых время налагает какие-то обязанности и на которых можно опереться.

"ЗАВТРА". Существует такое мнение, что сама псковская земля меняет людей. Попадаю сюда, на эти пространства, луга, эти кручи, в Изборск, Пушкинские Горы. Порой я и не вспоминаю о них, но стоило мне оказаться в музее-заповеднике, ещё задолго до того, как я пришёл сюда на работу, — вдруг вспомнилось, как мы вспоминаем детские годы, как какие-то времена, которые дали очень много. Потом, совершенно удивительным образом, будучи даже гражданином другого государства, я вдруг попадаю сюда, и вдруг оказывается, что здесь совершается то дело, которое для меня стало делом моей жизни.

Я могу привести очень много примеров, когда люди, живя в Петербурге, Москве, пытаются тут поселиться, или хотя бы прожить здесь часть своей жизни; кто просто старается, живя у себя дома, в своём городе, сохранять в сердце любовь к псковской земле, бережно хранить память о ней. Искренне рад, что эта мысль у вас возникла в качестве вопроса. Псковская земля, действительно, совершенно особенная.

Июль 2003 года, Пушкинские Горы
Материал подготовили
Андрей ФЕДЕЛОВ и Наталия СТЯЖКИНА